

В Тяньцзиньском гарнизоне правили восемь великих семей соляных торговцев: Цао, Лю, Се, Ван, Сунь, У, Вэй и Цзян. Кроме них, действовали три банды речных перевозок: банда Сытоу из левого гарнизона Тяньцзиня, банда Синъю из правого гарнизона Тяньцзиня и банда Луошэн из самого Тяньцзиня.

Эти «восемь семей и три банды» были тесно связаны узами брака и деловыми интересами, их влияние простиралось на всю префектуру Хэцзянь и даже на Северную столичную область. Общее дело — контрабанда соли — связывало их жизни и состояния воедино, порождая необычайную сплоченность. Однако стоило кому-то нарушить негласные правила и поставить под угрозу остальных, как расправа следовала незамедлительно и с особой жестокостью.

Печальным примером тому служила семья Чжао, некогда отошедшая от дел и перебравшаяся в Ванцзин, где весь их род был уничтожен.

Глава семьи Чжао изначально был атаманом банды Сытоу. Он основал её и за несколько лет неустанных трудов превратил в главную силу левого гарнизона Тяньцзиня. Именно это привлекло внимание семьи Цао, искавшей союзников для расширения своего дела. Заключив с Чжао брачный союз, они получили доступ к десяткам его лодок, необходимых для перевозки соли.

Соляные промыслы Чанлу давали огромные объемы соли, но официально её разрешалось продавать лишь в Северной столичной области и Хэнани. Необъятный южный рынок манил торговцев несметными барышами. Наладив речные перевозки, они получили возможность беспрепятственно доставлять соль Чанлу на юг, извлекая колоссальную прибыль.

Однако именно эта тесная взаимосвязь интересов соляных торговцев и речных банд делала всю систему чрезвычайно уязвимой: выход одного игрока затрагивал всех. Поэтому не только Вань Юлян, но и местные воротилы не терпели отступников.

Всякий, кто подумывал пойти на попятную, должен был помнить об участии семьи Чжао.

За те дни, что Инь Чэньюй провел в Тяньцзине, он видел лишь картину мира и благоденствия. Куда бы он ни пошел, царили покой и довольство. О контрабандной соли не шло и речи — даже сказители в чайных домах боялись произнести само слово «соль». Это красноречиво свидетельствовало о могуществе местных торговцев и банд.

Разрушить этот монолит, скрепленный общими интересами, было нелегко.

Но, как говорится, лиха беда начало. В прошлой жизни Инь Чэньюю потребовалось немало времени и усилий, чтобы найти слабое звено. Теперь же, обладая знанием, действовать было значительно проще.

Инь Чэньюй обмакнул кисть в тушь и вывел на бумаге сюань иероглиф «Вэй».

— Удвойте наблюдение за семьей Вэй, — приказал он. — Особое внимание уделите передвижениям старшего сына, Вэй Сихэ. Обо всех новостях докладывать немедленно.

В прошлой жизни именно через семью Вэй ему удалось нанести удар.

Сегодня одной из восьми великих соляных семей Тяньцзиня все еще была семья Вэй. Но через пять лет о ней забудут, и в Тяньцзине будут знать лишь семью Кэ.

Дело в том, что у предыдущего главы семьи Вэй была единственная дочь. Дабы сохранить дело, он взял для нее зятя-примака. Увы, старик, всю жизнь охотившийся на гусей, в итоге сам был гусем ослеплен — он просчитался, выбрав в зятя честолюбивого и неблагодарного волка. После смерти старого господина Вэя управление семейным делом перешло к зятю, Кэ Шоусиню.

Первые несколько лет Кэ Шоусинь обходился с женой и её сыном исключительно хорошо, усердно управляя делами. Но как только он полностью прибрал к рукам власть над состоянием Вэев, его честолюбие проявилось во всей красе, и роль примака перестала его устраивать.

Сначала «от болезни» скончалась госпожа Вэй. Спустя несколько лет её единственный сын, Вэй Сихэ, возвращаясь с учебы, подвергся нападению разбойников. Юноше удалось спастись, но его ноги были раздроблены лошадиными копытами. Семья Вэй искала лучших врачей, но те смогли сохранить лишь одну ногу.

Вэй Сихэ остался хромым калекой, неспособным к продолжению рода.

Кэ Шоусинь же, прикрываясь необходимостью обеспечить наследников, женился вновь, брал наложниц и за пять-шесть лет обзавелся тремя сыновьями и двумя дочерьми, носившими фамилию Кэ.

Что до Вэй Сихэ, чье будущее было разрушено и кто ничем не отличался от беспомощного калеки, то его заперли в дальнем дворе поместья Вэй, предоставив самому себе.

Однако Кэ Шоусинь, вероятно, не ожидал, что его старший сын унаследует его же несгибаемую волю. Вэй Сихэ проявил невероятную стойкость духа, выдержав десять лет нечеловеческого существования. Ему удалось не только выжить, но и собрать доказательства причастности Кэ Шоусиня к контрабанде соли. С этими уликами он явился к Инь Чэньюю, что привело к полному уничтожению семьи Кэ.

Не случись с ним тех несчастий, Вэй Сихэ стал бы выдающимся человеком.

Вспоминая прошлое, Инь Чэньюй невольно вздохнул. Интересно, каково сейчас положение Вэй Сихэ, ведь он прибыл в Тяньцзинь на пять лет раньше.

Он отложил кисть и добавил, обращаясь к Чжао Линю:

— Проследи, чтобы Вэй Сихэ не пострадал.

Отдав распоряжения, он отпустил Чжао Линя.

Заметив, что Сюэ Шу так и не появился, Инь Чэньюй недовольно нахмурился:

— Где Сюэ Шу?

Чжэн Добао вошел снаружи и пояснил:

— Цзяньгуан Сюэ немного перебрал на пиру. Он только что вернулся в резиденцию и сейчас переодевается, дабы не оскорбить Ваше Высочество запахом вина.

— Вань Юлян и впрямь из кожи вон лезет, чтобы его переманить, — Инь Чэньюй снова взялся за кисть, неспешно выводя иероглифы, и небрежно бросил: — Вели кухне приготовить отрезвляющий отвар и отнести ему. Пусть явится, когда протрезвеет, спешить некуда.

— Слушаюсь, — отозвался Чжэн Добао и удалился отдавать распоряжения на кухню.

Однако когда он с отваром добрался до покоев Сюэ Шу, там было пусто. Охрана сообщила, что Цзяньгуан, переодевшись, сразу направился в главные покои.

В этот момент Сюэ Шу как раз подходил к ним.

Служащий евнух провел его в боковую комнату. Еще не переступив порог, Сюэ Шу увидел фигуру за письменным столом.

Сегодня Инь Чэньюй выглядел совсем иначе.

На нем был длинный киноварный халат с запахом и широкими рукавами, придававший ему изящный и непринужденный вид, в духе прославленных мудрецов и эстетов. Длинные волосы не были собраны, лишь полусхвачены нефритовой шпилькой на затылке. Когда он склонил голову, несколько черных шелковистых прядей скользнули с плеча на грудь.

Услышав, как евнух доложил о его приходе, Инь Чэньюй поднял взгляд. В тусклом свете боковой комнаты его киноварный халат, черные волосы и белоснежная кожа казались безупречными во всем. Он был похож на духа, явившегося в сумерках, — прекрасного и неотразимо притягательного.

Сюэ Шу замер на месте, несколько мгновений не сводя с него глаз, затем отвел взгляд и почтительно склонил голову.

Однако пальцы его руки, опущенной вдоль тела, невольно дрогнули, вспоминая ощущение этих черных прядей в ладони.

Мягкие, шелковистые, завораживающие.

— Зачем пришел так скоро? — спросил Инь Чэньюй, видя, что тот стоит неподвижно и молчит. Решив, что Сюэ Шу еще не протрезвел, он добавил: — Разве я не передал через Чжэн Добао? Явился бы, когда придешь в себя. Должно быть, обхаживать Вань Юляна последние дни было утомительно для тебя.

Проведя с Сюэ Шу бок о бок прошлую жизнь, он прекрасно знал, что тому не свойственны терпение и склонность к интригам.

В его мире существовали лишь те, кто покорялся, и те, кто умирал.

Недовольных следовало просто убить.

Интриги и уловки — удел слабых.

Тем удивительнее было то, что сейчас Сюэ Шу не только сдерживал Вань Юляна, но и умудрялся вытягивать из его кошелька деньги.

Раз уж он так послушен, Инь Чэньюй не прочь был проявить к нему немного больше благосклонности.

— Служить Вашему Высочеству — не в тягость.

Сюэ Шу снова поднял на него глаза, в глубине которых мелькнул темный блеск. Возможно, виной тому было вино, а может, сегодняшняя облик Инь Чэньюя, столь неотразимый и колдовской. Не в силах сдержаться, он шагнул вперед, так что между ними остался лишь широкий письменный стол.

Недавнее отдаление сделало невозможным и дальше подавлять глубинное, мучительное желание.

Он наклонился вперед, его волчий взгляд впился в Инь Чэньюя, и дерзко спросил:

— Почему Ваше Высочество не призывали меня последние несколько дней?

Он смотрел прямо в глаза, то ли требуя ответа, то ли моля о нем.

Как бы то ни было, Инь Чэньюй ощутил себя оскорбленным и раздосадованным.

Кого ему видеть — не дело Сюэ Шу!

Его редкое благодушие мгновенно испарилось. Он с силой швырнул кисть на стол и процедил с угрозой в голосе:

— Сюэ Шу! Ты переходишь все границы!

— Разве я не полезнее Чжэн Добао и Чжао Линя? Если Ваше Высочество пожелает кого-то убить, я убью для вас, — не отступал Сюэ Шу, упрямо глядя на принца и словно требуя справедливости.

Инь Чэньюй, все еще раздосадованный, едва не рассмеялся от его слов.

Все-таки Сюэ Шу из этой жизни и из прошлой были разными.

В прошлой жизни их связь была слишком глубокой и запутанной. Они принадлежали к разным лагерям, их отношения были отравлены борьбой за власть и личными амбициями. Они могли прикрыть друг другу спину перед лицом общего врага, но стоило угрозе миновать, как их союз рассыпался.

Он был наследным принцем, будущим императором, мечтавшим объединить Поднебесную и расширить её пределы. Могущественный правитель никогда не потерпит чужого влияния.

А Сюэ Шу был Цзю Цянь Суем, чья власть сотрясала весь двор.

Их столкновение было неизбежно.

Оба это прекрасно понимали, но до последнего дня молчаливо поддерживали видимость мира. Иногда даже сам Инь Чэньюй поддавался этой иллюзии, чувствуя укол жалости или сомнения.

Он и по сей день не мог до конца разобраться в своих чувствах к Сюэ Шу.

И чувства Сюэ Шу к нему, вероятно, были столь же сложны и противоречивы.

Прежде Сюэ Шу никогда не выражал свои мысли так прямо.

Обычно он говорил язвительно, саркастично, и каждое его слово было неприятно.

Сейчас же, хоть его слова и были дерзкими, они не вызвали такого глухого раздражения.

Юный возраст и впрямь имеет свою прелесть.

Гнев Инь Чэньюя немного утих, и он вновь обрел самообладание. Наклонившись вперед, он взял Сюэ Шу за подбородок и внимательно всмотрелся в его лицо, с удивлением заметив в глубине его глаз едва уловимую обиду.

Не зря он когда-то прозвал его псом.

— Конечно, ты полезнее их, — проговорил Инь Чэньюй. Иначе он не оставил бы его при себе после перерождения.

Он отпустил подбородок Сюэ Шу, грациозно откинулся на спинку стула, указал на упавшую на пол кисть и слегка вздернул подбородок:

— Подними для Гун.

Сюэ Шу послушно поднял кисть из волчьей шерсти, протянул её принцу обеими руками и снова уставился на него, словно ожидая продолжения.

Но Инь Чэньюй не стал ничего добавлять, лишь сказал:

— Завтра ты сопроводишь Гун в одно место.

Сюэ Шу был слегка разочарован, не услышав больше похвалы. Но известие о том, что он будет сопровождать принца, заставило его поджатые губы изогнуться в довольной улыбке:

— Слушаюсь!

— Раз понял, ступай. От тебя несет вином, — Инь Чэньюй окинул его взглядом и брезгливо скривил губы.

Сюэ Шу, однако, не двинулся с места.

— Уже поздно. Я прислужу Вашему Высочеству перед сном, а потом уйду.

Его слова снова разозлили Инь Чэньюя. Надо же, он так редко терял контроль из-за вина, и

этот человек застал его в таком состоянии!

Лицо принца потемнело. Он указал на дверь:

— Раз тебе совершенно нечем заняться, ступай на кухню колоть дрова!

Сюэ Шу, видя его гнев, не стал испытывать судьбу и молча удалился к дровянику.

В тот день вся резиденция узнала: Цзяньгуан Сюэ прогневал Его Высочество и в наказание был отправлен на кухню колоть дрова.

Слух, пройдя через несколько уст, добрался и до Вань Юяна. Весьма довольный, он сказал стоявшему рядом генералу Гуаню:

— Вот видишь! А ты мне не верил. Всем известно, что Император и наследный принц никогда не были близки. Он послал Сюэ Шу с ним лишь для надзора. Как Сюэ Шу может помочь принцу, если хочет заслужить доверие Императора?

Генерал Гуань надолго задумался, потом кивнул:

— Верно. Я слишком много размышлял. Поступим, как ты предлагаешь.

Примечание автора:

Наследный принц: Будешь упрямитесь — не только дрова колоть, но и воду таскать отправишься :)

Пёсик: ? Если колоть дрова и таскать воду, можно будет прислуживать ночью?

Наследный принц: ...

<http://bllate.org/book/13382/1190733>